

ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 124.5 + 124.43 + 008 + 117

С. Н. Амельченко

БЫТИЕ ЦЕННОСТЕЙ И ДОЛЖНОГО В КУЛЬТУРЕ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Бытие ценностей и должного в культуре сообщает ей надбиологический статус, придает осмысленный и целенаправленный характер происходящим в ней процессам. Между тем их комплексное исследование в философской литературе отсутствует, что сужает поле теоретического познания культуры. По мнению автора, показ их структурно-функционального взаимодействия позволяет не только внести дополнительные коррективы в изучение культуры как системы, но и найти новые подходы к пониманию ее современных проблем, а также путей их решения.

Ключевые слова: культура, ценность, должное, структура, функция, идеальное, материальное, социальное, система, процесс.

В философском мире для выявления уникальной сущности культуры нередко используется в качестве основного понятие «ценность». Так, Г. Риккерт заявлял, что «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком *ценности*» [21, 55]. По убеждению П. А. Сорокина, «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [24, 429]. Применение в познании этого феномена понятия «должное» встречается реже и может быть представлено, в частности, высказыванием Н. Чавчавадзе о том, что «культура есть явление ценностное, а ценность есть то, что должно быть, есть нечто должное» [28, 53]. Суждения этого мыслителя относятся к тем эпизодическим разработкам, где встречается парное употребление рассматриваемых понятий, однако если у Чавчавадзе они предстают как синонимы, то у Н. Гартмана — как корреляты. Гартман отмечал, что эти понятия не идентичны, они обоюдно обусловлены и «составляют целое, не растворяясь друг в друге», так как «должное — это способ бытия ценности, ее своеобразная модальность... Ценность же — содержание долженствования» [8, 217]. В то же время

представленная им трактовка ценностей как идеальных объективных сущностей, якобы не зависящих от человеческого опыта и культуры, вызывает глубокое сомнение. Тем не менее мысль Гартмана о сопряжении должного и ценностей при необходимой коррекции дает ключ к познанию недостаточно исследованного аспекта бытия культуры, которое следует начать с этимологии данных универсалий.

Этимологическая реконструкция понятий «должное» и «ценности»

Как известно, греческое слово *ἀξία*, служившее обозначением *ценности*, изначально включало и указание на *стоимость*, что сообщало его содержанию определенный экономический подтекст. Так, в псевдоплатоновском сочинении «Гиппарх» им было отмечено то, что связано с прибылью, но уступает в своем значении благу, которое, помимо этого качества, отличается еще и пользой.

В античном мышлении понятия «благое» и «блага» использовались для положительной характеристики бытия человека. В совокупности с категорией «*благо*» они исполнили основную роль в становлении представлений о ценностях, должном и их соотношении.

В суждениях Платона благо показано как онтологическое имя сущего, его абсолютное совершенство, квинтэссенция высших непреходящих ценностей — истины, добра и красоты, устанавливающих значимость всего того, что связано с духовными, материальными и социальными аспектами бытия человека. Рассматривая последнее, в диалоге «Лисид» он провел различие между благом, дурным и тем, что между ними, а в «Законах» — между душевными, телесными и внешними благами. В дифференциации ценностей, проведенной Платоном, душевные способности человека, позволяющие усматривать благо как таковое, имеют приоритетное значение и перед качествами тела, и перед множеством вещей, обладающих ценой. Поэтому, по его убеждению, если некие лица оценивают «наиболее достаток» и помещают «в смысле ценности низшие перед высшими, они совершают дело и негосударственное, и нечестивое» [19, 149].

Обозначенная Платоном иерархия ценностей получила развитие в философии стоиков, которые ввели в осмысление проблемы понятие «должное», также выявив различные уровни его применения. За основу своих размышлений они приняли деление Платоном всего ценного на душевные, телесные и внешние блага, а также его суждение о том, что благое и его антипод содержат между собой нечто безразличное, содействующее в равной степени и счастью, и горю. В безразличном они выявили ценностно-нейтральное, избегаемое (смерть, болезнь, неблагодарность) и «предпочтительное — все то, что имеет ценность», в том числе «душевные свойства» (искусство, совершенствование, дарование), «телесные свойства» (жизнь, здоровье, красота) и «внешние обстоятельства» (богатство, слава, знатность) [10, 300].

Предпочтительное (*προγμίνον*), в сравнении с тем, чего следует избегать, воспринималось как то, что достойно одобрения, нечто подходящее (*προσῆχον*). Посредством этого слова, а также применив глагол *καθήκω* (означающий «обязывать к чему-либо»), Зенон из Китиона произвел понятие *καθήκον*,

отметив им «должное», «обязательное», «надлежащее». Будучи использовано в отношении *ценностей внешнего и телесного порядка*, данное понятие означало *должное среднего уровня* (μέσον καθήκον). Указывая на *ценности душевных свойств* человека (разумение, дарование и пр.), исходное понятие предстало как *должное высшего уровня* (τέλειον καθήκον). В последнем случае оно совместилось по своему смыслу со словом δέον, посредством которого Демокрит еще раньше утвердил должное как требование морального сознания, предписывающее неукоснительное выполнение каждым своих обязанностей перед окружающими.

В суждениях стоиков проводилась мысль о том, что следует отличать δέον — величие морального долга как истинное должное и близкое ему τέλειον καθήκον — нравственно совершенное должное от должного среднего уровня — μέσον καθήκον, предпочтительного. В римской философии Цицерона данное деление получило дальнейшее обоснование с указанием на perfectum officium — моральную безупречность в поведении людей, готовых служить отечеству, и medium officium — решение практических задач, допускающее преследование личной выгоды и стремление к удовольствиям. При этом в воззрениях стоиков обозначилось расхождение в выборе предпочтений, и если в средней стое наметился натуралистический подход к рассматриваемой проблеме, в соответствии с которым (по мнению Панэтия и Посидония) для счастья «надобно и здоровье, и денежные траты, и сила» [10, 307], то римская стоя, продолжая традиции раннего стоицизма, отстаивала приоритет моральных ценностей, составляющих первичное предназначение должного. Так, Цицерон, рассматривая оппозицию «нравственное против наслаждения», заявлял: «Если же ты выберешь второе — рухнет многое, и в первую очередь общность рода человеческого: любовь, дружба, справедливость, прочие добродетели, ни одна из которых не может существовать, если она не бескорыстна. Потому что, если добродетель приходит к исполнению своего долга, подталкиваемая наслаждением, как некой платой, то это не добродетель, а лживая подделка и видимость добродетели» [27, 201, 203].

Между тем обозначенное направление в осмыслении специфики ценностей и должного в античной философии было не единственным и может быть дополнено воззрениями Аристотеля, затронувшего ранее не выявленные смысловые грани рассматриваемых понятий.

Аристотель исходил из того, что благом является наилучшее для каждого сущего, достойное избрания и делающее благими другие причастные ему вещи. Наполняя благо социальным содержанием и увязывая его с бытием человека и общества, он указывал в «Большой этике» на то, что «...высшее благо — это счастье, и оно — цель» [2, 303]. Ее выбор он сравнивал в «Никомаховой этике» с нахождением мишени, позволяющей действующему человеку вернее достичь должного. При этом Аристотель видел *смысл должного не только в обретении блага и достижении цели*, стремление к которой сообщает направление и придает импульс человеческой активности. В его философии *должное означает и социальную норму*, с которой соизмеряются нрав и практические навыки человека и посредством которой получают выражение признаки его добродетели: «Потому [добродетель означает обладание серединой], что как в страстях, так

и в поступках [пороки] преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка» [3, 87].

Воззрения Аристотеля позволяют рассматривать *должное не только как совокупность нормативных установок, регулирующих и приводящих к единству все происходящие в культуре процессы*. Должное в его философии выступает как *социальная сила, обязывающая каждого индивида осознавать и раскрывать в социально-значимой деятельности свои ценные качества*. Размышляя о них, он изъясил из смыслового поля понятия «ценность» (ἀξία) все «ценимое» и обозначил последнее термином «цена» (τιμή). Одновременно он разработал ряд общих с понятием «ценность» слов, относящихся к духовному строю личности, среди которых — ἀξίωμα, выражающее самооценку человека, ἀξίον, указывающее на его достоинство, и пр. Аристотель утверждал, что не может заслуживать одобрения тот, кто поступает «вопреки и достоинству, и должному, а только то, что правильно, сообразно добродетели» [Там же, 128].

Таким образом, появившиеся в античной философии понятия «ценности» и «должное» изначально обладали многоплановым содержанием, позволяющим выделить разные модификации в их морфологии и соотношении.

Должное как способ бытия ценностей в предметно-процессуальном универсуме культуры

Проблема соотношения ценностей и должного может быть показана с разных сторон. Так, в русле объективно-идеалистической традиции ценности рассматриваются как не зависящие от человека идеальные сущности, выражающие «актуально должное бытия» [8, 130]. По убеждению Н. Гартмана, «долженствование бытия вообще присуще ценности, исходит от нее, определено ею по направлению и по содержанию» [Там же, 254]. Заключающаяся в ценности необходимость репрезентации обретает возможность осуществления сначала в момент осознания ее субъектом, а затем в его действиях и поступках. Ограниченной у Гартмана оказывается роль самого субъекта («пропускного пункта»), ведь «то, что он творит и чему придает форму, происходит не из него самого, не является его произведением; это подслушано им в ином мире» [Там же, 227, 224].

В русле материалистической философии ценности выводятся из реальных условий жизни и представляют, по определению В. П. Тугаринова, «те явления (или стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям... в качестве действительности, цели или идеала» [20, 15]. В этом случае к ценностям как к реальным благам может быть отнесена естественная среда (земля, вода, воздух, свет и пр.), в которой действуют физические законы, создающие условия для бытия человека и культуры, но где отсутствует должное. *Свойства* этой среды могут стать предметом познания и оценки, войти в практику субъекта культуры, который, исходя из своих потребностей и интересов, устанавливает их *значения* и в качестве таковых включает в состав должного.

Должное является интенционально-процессуально-результативным соизмерением фактической реальности и ее умозрительной улучшенной модификации,

переводимой усилиями людей из потенциальной возможности в действительность. Должное входит во все сферы человеческой жизнедеятельности и становится системообразующим фактором культуры, так как является способом бытия ценностей — *квинтэссенции положительного человеческого опыта, включающего понимание и создание того, что способствует индивидуальному и всеобщему существованию и полноценному развитию.* Ценности наполняют смыслами человеческий мир, должное становится формой их опредмечивания, обладающей структурой, соизмеримой со строением ценностной сферы и наделяющей ценными признаками соответствующие предметы и явления.

О функциях и составляющих должного высказывался еще Аристотель, указавший на то, что этот феномен выступает как норма и цель человеческой жизнедеятельности. По-своему развивал это положение И. Кант, который доказывал, что «всякое *долженствование* выражает некую необходимость действия и может иметь двоякое значение. В самом деле, или я *должен* делать что-то (в качестве *средства*), когда я хочу чего-то другого (в качестве *цели*), или я *должен* делать и осуществить что-то другое (как цель) *непосредственно*» [12, 272].

К анализу этой проблемы обращался Э. Агацци, который утверждал, что должное пронизывает «всю сложную иерархию человеческой деятельности», выделяя в этой структуре в первую очередь *цель* как «идеальную модель», предвещающую все формы человеческой активности, ее ведущий компонент [1, 65]. Цель является устанавливаемой в человеческом сознании разновидностью ценности, которая в структуре должного выступает как *умозрительная* точка притяжения и побудительная сила, определяющая уровень, направление и порядок человеческих действий и поступков. Значение данного фактора в осмысленной организации человеческого бытия очень велико, поэтому, как доказывал И. Кант, «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит в его свободе) — это *культура*» [15, 464].

Перспективность и значимость целей определяется их соотношением с *идеалом* — формой совершенства в превосходной степени, занимающей высшее положение в иерархии ценностей. Будучи главным предназначением должного, идеалы становятся фактором, возвышающим бытие культуры над животно-биологическим уровнем существования. Как отмечал И. Я. Лойфман, идеалы совмещают в себе «желаемый и должный образ общественной и личной жизни» [16, 58], поэтому приобщение к ним побуждает человека выходить за пределы своих сугубо личных эгоистических интересов и формировать такую модель поведения, которая необъяснима с натуралистических позиций. При том, что идеалы, выстраиваемые в сознании людей представления о непреходящем величии истины, добра, красоты, свободы и справедливости, не могут быть когда-либо реализованы в полной мере, в мировой истории они исполняют роль маяков и определяют ее общее направление. Идеалы и цели выражают характер проективной функции культуры и придают импульс ее совершенствованию во всех сферах ее формирования и развития.

Другой важнейший компонент в структуре должного, показанный И. Кантом как средство достижения целей, Э. Агацци отнес «к *способу, каким осуществляются эти действия*» [1, 65]. В более широком плане в этом своем

подразделении должно выступать как *процессуальная* модификация ценности, способ бытия таких ее разновидностей, которые получают выражение через *правила, нормы, средства, приемы и способы* человеческой жизнедеятельности.

Данный способ бытия позволяет *объективировать* трансцендентальные ценности-цели, переводить их из *потенциального* состояния в *актуальное*. Совокупность способов, приемов и проч. выполняет предметно-преобразующую, нормативную и интегративную функции в культуре. Наполняясь в одном случае инструментальным, а в другом — прескриптивным содержанием, они являются важнейшим средством регуляции всех происходящих в культуре производственных, социальных и творческих процессов. При этом если ценности-цели субъект может устанавливать для себя свободно, то в их реализации и выборе соответствующих правил и норм он ограничен законами физического и конвенционального (юридического, морального и т. п.) порядка. Между тем нормативность, находящаяся в основе технологических, правовых, художественных и иных процессов культуры, не является статичной. Периодически она подвергается переосмыслению, влекущему за собой создание новых моделей творчества и жизнедеятельности, которые необъяснимы с лишь социологических позиций вне их соотносительности со сферой общечеловеческих ценностей и идеалов.

Еще один способ бытия ценностей в структуре должно представляет собой завершение цикла по введению в мир культуры объектов, прежде находившихся в проекте либо обладавших только природными свойствами. В этом подразделении должно выступает как *объективированная* модификация ценностей, способ бытия таких их разновидностей, которые проявляются в *стандартах, эталонах и образцах* культуры в их опредмеченной, репрезентативной форме. Становясь, по выражению А. К. Судакова, «ценным, положительным, “нормальным” положением дел» [25, 123], должно выступает в качестве результатов человеческих действий и поступков, максимально полно соответствующих их целям и идеальным прообразам.

Между тем, как отметил Э. Агацци, «результат действия имеет огромную или малую ценность либо вовсе не имеет никакой ценности, в зависимости от того, как далеко отстоит этот результат от конкретного “совершенства”», которому он должен соответствовать [1, 66]. Разрыв между *должным* как идеальным замыслом действия и его воплощением в *сущем* может сообщить импульс переосмыслению не только норм, но и целей культуры, задав ей новый уровень развития. Важную роль в сопоставлении идеального замысла и его предметного воплощения выполняет *оценка*, представляющая собой определение качеств объекта с точки зрения их соответствия интересам и потребностям субъекта. В результате оценивающего отношения устанавливается *значение* — уровень востребованности оцениваемого предмета или явления. При высоком показателе данного критерия предмет может стать носителем ценности и воплощением должно, встраиваясь в систему ценностных координат развития культуры, посредством которых осуществляется ее аксиологическая функция.

Таким образом, должно, будучи способом бытия ценностей, является конструктивной особенностью процессов формирования и развития культуры, ее

предметного многообразия, выражающего различие ее структурных форм, требующих дальнейшего рассмотрения.

Структурный анализ бытия ценностей и должного в архитектонике культуры

Широкий диапазон человеческих интересов и способностей обусловил существование богатой палитры ценностей, которая, получая оформление в модификациях должного, проявилась в разнообразной архитектонике культуры. При том что ее структура формируется на основании различий, имеющих у индивидуальных, социальных, духовных и материальных носителей ценностей, дополнительной причиной ее дифференциации становятся возникающие в ее пространстве процессы, специфика которых может быть показана с помощью смысловых градаций, имеющих в универсалиях «ценности» и «должное».

Одним из тех, кто впервые обратился к этой проблеме, был Аристотель, который отделил понятие «цена», передающее *оценочное* отношение к объекту, от понятия «ценность», выражающего достоинство субъектов, совокупность складывающихся между ними *ценностных* отношений. Разработка первого из этих понятий проявилась в *оценке человека с точки зрения его соответствия интересам стоящих над ним сил* и может быть прокомментирована суждением Т. Гоббса о том, что «стоимость, или *ценность*, человека подобно другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» [9, 66–67].

Другое понятие получило осмысление в философии И. Канта, говорившего о человеке и утверждавшего его «ценность как мыслящего существа», руководствующегося моральным законом и потому независимого «от природы и... всего чувственно воспринимаемого мира» [14, 500]. Разработка этого понятия приводит к пониманию того, что *ценность человека проявляется в его достоинстве и свободе*, способности осознать смысл идеалов и соизмерять с ними свои действия и поступки. Затрагивая эту проблему, Н. О. Лосский доказывал: «Действительная личная жизнь начинается там, где есть сознание абсолютных ценностей и долженствования осуществлять их в своем поведении» [18, 201]. Между тем *умозрительное восхождение к трансцендентальным ценностям, а также введение их при воплощении в состав должного способствует развитию не только уникальных черт личности, но универсальных форм культуры*.

Одной из наиболее ранних составляющих архитектоники культуры стала *религия*, верховной ценностью которой является *божественный мир*. В нем религиозная мысль усматривает источник человеческих добродетелей, в числе которых — *святость, любовь, милосердие* и т. д. Силой, посредством которой религиозное сознание приближается к *идеалу*, является *вера*, а способом его передачи и постижения — *символ*. Совмещение этих ценностей со структурой должного образует и регулирует строй религиозной жизни, в которой нормативным началом становится свод «*божественных*» *заповедей и столпов веры*, а смыслообразующим — *сакральный текст*, дающий человеческому сознанию религиозное понимание истины бытия.

Стремление к *истине* направляет человеческое мышление не только в религии, но и в *науке*. При том, что в ряде философских суждений, в частности у М. С. Кагана, проводится мысль «истина не является ценностью» [11, 69], обе они тем не менее принадлежат одному смысловому ряду и вполне сопоставимы. Поиск истины осознается человеком как непреложное *требование*, а ее обретение имеет для него несомненное значение, поскольку знаменует соответствие его знаний познанному сегменту реальности. Поэтому, как отмечает Н. С. Рыбаков, «истина... представляет собой особую сферу выразительного смысла... сопрягаясь с должным как точкой отсчета» [22, 165]. Включаясь в структуру должного, относительная истина выступает как вполне достижимая *цель*, а абсолютная — как *идеал*, бесконечно притягивающий внимание человека, требующий от него *дерзновения духа, пытливости ума, любознательности* и пр. Силой, посредством которой человек приближается к истине, является *разум*, а способом ее установления — *научное понятие*, фиксирующее наиболее общие и существенные признаки исследуемых объектов. Совмещение интеллектуальных ценностей со структурой должного формирует научную картину мира, нормативным основанием которой является *доказательство* и *эксперимент*, а смыслообразующим — содержание подтвержденных на практике *концепций* и *теорий*. Несмотря на дезаксиологические основания (не допускающие оценочного отношения ученого к объекту познания), научная картина мира сама по себе имеет несомненную ценность, так как вооружает человека знанием законов действительности, увеличивает степень его независимости от внешней среды и позволяет ему выстраивать с ней плодотворные отношения.

К созданию картины мира обращается не только наука, но и *искусство*, в котором верховной ценностью, целью творчества и критерием его значимости является *красота*. Будучи идеалом, красота включается в структуру должного, *побуждая* человека замечать ее, воплощать в своей деятельности и проявлять свои уникальные способности, которые свидетельствуют о его *одаренности, гениальности, таланте*. Разнообразие искусства позволяет не только отражать реальность такой, какова она есть, но и выстраивать представление о том, какой она *должна быть*, указывая на вершины духовного восхождения человечества. Средством, позволяющим понимать и создавать красоту во всем множестве ее проявлений, является *эстетический вкус*, а способом творческого выражения различных граней внутреннего и внешнего мира человека — *художественный образ*. Совмещение ценностей искусства со структурой должного формирует мир прекрасного, смыслообразующим началом которого является воплощенная *человечность*, а нормативным — совокупность *законов красоты* (включающих систему безупречных пропорций, правило золотого сечения и пр.), по которым создается гармоничный способ эстетического бытия человека в культуре.

Красота, как доказывал В. С. Соловьев, становится подлинным идеалом, если в ней высвечивает *добро* — верховная ценность и главный критерий значимости человеческих поступков, установленный в *морали*. Соловьев утверждал: «Добро есть должное» в силу того, что в нем заключается реальное требование, «чтобы оно практически *осуществлялось*» [23, 141]. Устремление к доб-

ру знаменует торжество человеческого духа и выражается в таких чертах личности, как *отзывчивость, самоотверженность, преданность, благородство* и т. д.

Инструментом морального осознания должного является *совесть*; силой, посредством которой человек осуществляет добро, — его *воля*, а способом реализации этого идеала в действительности — *нравственная норма*, внутренняя санкция того, «что можно сделать, исходя из масштабов и полноты своей личной ответственности за происходящие вокруг события» [17, 69]. Совмещение моральных ценностей со структурой должного образует гуманный универсум, в котором нормативным основанием является *золотое правило нравственности*, а смыслообразующим — содержание *категорического императива*, утверждающего достоинство каждого человека и призывающего видеть в нем не только средство, но и цель всеобщего развития.

Условием установления добра является *свобода*, которая, будучи нравственной ценностью, выражается в способности человека самостоятельно осознавать смысл и значение морального закона, добровольно и бескорыстно следовать ему в своих суждениях и поступках. Между тем в универсуме культуры непреходящая ценность свободы выступает в форме не только морального, но также правового, политического и экономического долженствования.

В *праве* ценность свободы получает действительную реализацию, становясь утверждением *независимости* человека от произвола каких-либо лиц и социальных структур. Будучи мерой осуществления свободы, право, как форма культуры, представляет собой имеющую государственный статус систему регулирования отношений между ее субъектами. По убеждению Е. Н. Трубецкого, «право... должно служить нравственным целям» [26, 36], принуждая совершать подобающие поступки людей, не обладающих развитым моральным сознанием.

Получая выражение через обязывающий и нормативный характер своих предписаний, право является сферой должного, в которой верховной ценностью, наряду со *свободой*, становится *справедливость*, утверждающая всеобщее равенство перед законом, а также устанавливающая одинаковые для всех субъектов культуры возможности получения доступа к общезначимым природным, интеллектуальным и прочим ресурсам, необходимым для полноценного человеческого существования и развития. Утверждение этих ценностей сообщает праву всеобщее значение и обеспечивается такими человеческими качествами, как *порядочность, ответственность, честность*. Силой, посредством которой в культуре достигается возможная степень свободы и справедливости, становится единство *правосознания и правового поведения*, без которых правовые конструкции теряют свою действенность. Способом реализации правовых идеалов является установление власти *юридического закона*, выступающего, по выражению В. С. Соловьева, как общепризнанное «определение права, или понятие о должном (в данном случае и в данном отношении) равновесии между частной свободой и благом целого» [23, 336]. Совмещение правовых ценностей со структурой должного образует гражданское общество, где нормативным основанием становится *правопорядок*, а смыслообразующим — *защита чести и достоинства любого человека в контексте безопасности всего социума*.

Выступая в форме политического долженствования, ценность свободы выражается в способности индивидов открыто проявлять свою гражданскую позицию (используя свободу слова, печати и пр.), ценность же справедливости раскрывается в равной возможности участия всех деятельных лиц в *политике* — форме культуры, представляющей систему государственного управления материальными, социальными и духовными процессами, обеспечивающими существование всего общества. В архитектонике культуры политика выступает как единственная сфера должного, наделенная, как отметил М. Вебер, правом на «легитимное... насилие как средство» устранения возникающих в культурно-исторической практике противоречий [6, 646]. Между тем, по утверждению И. Канта, «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали» [13, 185]. Это означает, что подлинное предназначение политики не в том, чтобы служить орудием насилия в интересах привилегированных каст, а в том, чтобы утверждать достоинство каждого человека, выражать волеизъявление всего общества и отстаивать идеалы *мира*, национального и международного *сотрудничества* и *единства*. Достижению этих целей способствуют такие человеческие качества, как *сплоченность*, *солидарность*, *патриотизм*. В этой форме культуры главным средством осуществления поставленных ценностей-целей является готовность соперничающих политических сил к *консенсусу*, *компромиссам* и *диалогу*; способом же, позволяющим действующим сторонам емко и четко обозначить свою позицию, становится политическая *атрибутика*. Совмещение политических ценностей со структурой должного формирует конституционный порядок, в котором нормативным основанием выступает диктатура частного, гражданского и международного *права*, а смыслообразующим — идеи *толерантности* и *плюрализма*, призывающие видеть в каждом субъекте равноценного творца национальной и мировой культуры.

Исходя из того, что первичный смысл слова *cultura* означает обработку земли, а в более широком плане — все многообразие хозяйственной активности человека, неотъемлемой частью системы культуры следует считать *экономику*, создаваемую всей совокупностью материально-практической деятельности ее субъектов. Ей присущи свои специфические черты, на которые указал Г. П. Выжлецов, заявивший, что следует вывести «экономику на уровень культуры», так как в ней «ценность как значимость объединяет две стороны: *техническую*, проявляющуюся в воздействии на природу, и *социальную* — в отношениях между людьми. Первая представляет производство хозяйственных благ как материальных носителей ценностей и зависит не только от людей, но и естественных факторов. Вторая же касается распределения этих благ и всецело определяется самими людьми» [7, 96].

Сказанное позволяет рассматривать экономику как форму культуры, представляющую систему производства, распределения и обмена создаваемых человеком благ и услуг, наделенных потребительной и меновой стоимостью (или ценностью, в соответствии с терминологией, принятой в немецком и иных европейских языках и использующей имеющие двойной смысл понятия *wert*, *value*, *valeur* [11, 41]). Определяющей ценностью-целью и критерием значимости человеческой деятельности в этой форме культуры является *польза*, кото-

рая, включаясь в структуру должного, побуждает человека применять для ее получения все необходимые навыки и технологии, проявляя *трудолюбие, дисциплинированность, предприимчивость, инициативу*. Силой, посредством которой экономический субъект достигает поставленные цели и создает продукцию, соответствующую психофизическим ожиданиям и нуждам потребителей, является *труд*; способом же утверждения качества создаваемого и реализуемого товара становится *фирменный знак* (бренд, лейбл и пр.).

К сопутствующим ценностям, выступающим в форме экономического должностования, следует отнести *свободу*, выражающуюся в исторически приобретенной способности человека заниматься деятельностью, к которой он имеет наибольшую склонность, а также *справедливость* — распределительную, предписывающую получение некоего дохода в соответствии с заслугами и иными обстоятельствами, и уравнивающую, представляющую, помимо прочего, установление цены (т. е. денежного эквивалента различных человеческих благ) продукции, становящейся объектом торгово-экономических сделок и операций.

Совмещение экономических ценностей со структурой должного образует потребительскую среду, в которой нормативным началом является *закон спроса и предложения*, а смыслообразующим — *уровень потребления*, становящийся *символом жизненного успеха*, показателем статуса того или иного субъекта.

Таким образом, должное, представляющее собой способ бытия научных, религиозных и художественных ценностей, является фактором формирования и совершенствования *духовной* подсистемы культуры. Будучи способом бытия моральных, правовых и политических ценностей, должное становится фактором образования и функционирования *социальной* подсистемы культуры. Делаясь способом бытия экономических ценностей, должное выступает как фактор создания и развития *материальной* подсистемы культуры.

Особенностью функционирования культуры как системы является то, что множество возникающих в ней и взаимодействующих между собой ценностно-целевых рядов получает репрезентацию не только в несхожих направлениях, но и на разных уровнях должного — *вышем*, утверждающем моральную безупречность и величие всеобщих идеалов, и *среднем* (предпочтительным в сравнении с избегаемым), представляющем техническое решение практических задач и устанавливающим значимость внешних и телесных благ для человека.

Последнее в наибольшей степени свойственно ценностям экономической культуры, предназначением которой является создание комфортной предметно-символической среды, становящейся благом для всего общества и каждого его отдельного представителя. Поэтому, как утверждал В. С. Соловьев, экономические ценности, труд и его результаты должны быть «связаны и определены целями нравственными» [23, 297]. Однако происходящее в культуре *смещение уровней должного, как и трансформация его структурных элементов, ведет к искажению смысла экономической практики*. Соловьев по этому поводу заявлял: «Корень зла... во всей экономической сфере один и тот же: превращение материального интереса из служебного в господствующий, из зависимого

в самостоятельный, из средства в цель», которой становится уже не польза и благо для всех, но «прибыль торговца» [23, 320, 321].

Данная установка (обоснованием которой служит мораль утилитаризма и гедонизма) получила широкое распространение и в других сферах культуры, поставив под сомнение верховные идеалы гуманизма и устанавливая приоритет должного среднего уровня, отдающего предпочтение богатству и влиянию субъектов. На этих позициях *ценность человека трансформируется в его цену*, выражением которой становится его покупательная способность, «код стэндинга» (термин Ж. Бодрийяра), посредством которого он маркирует свое присутствие в мире. Придание доходу, выгоде, прибыли, капиталу статуса верховной ценности, определяющей смысл долженствования, делает предметом купли-продажи удовлетворение экзистенциальных потребностей человека в счастье, искренней дружбе, чистой любви, превращая каждую из этих и иных ценностей в *симулякр* — совращающую индивидов *имитацию* действительности, в которой, по выражению Ж. Бодрийяра, происходит «ослабление хватки реального *через эксцесс видимостей реального*» [5, 121].

Засилье симулякров вытесняет из сознания людей потребность в *живом человеческом общении*, превращая их в массовых отшельников, запутавшихся в виртуальных сетях; в *глубоких систематических знаниях*, предлагая каждому скользить по поверхности информационных потоков; в *духовном обогащении* через творчество и искусство, подменяя их индустрией развлечений и шоу-бизнеса, создающей, по словам Ж. Бодрийяра, «пластилиновые», легкоуправляемые массы и ведущей к «дадаизации» личности. Превращение удовольствия как показателя состоятельности человека в императив ведет к нивелировке ценностей, их опошлению, исчезновению идеалов и торжеству банальности [4, 89].

Гипертрофированный культ потребления парализует способность человека создавать подлинные ценности в своем сознании, строе мыслей и поступков, образе жизни, отношении к окружающему миру. Между тем истинные ценности не могут быть куплены, дарованы, получены извне. Как отмечает Г. П. Выжлецов, они могут быть приобретены только «*своим собственным жизненным опытом и духовным же трудом по их овладению*», позволяющим каждому народу и человеку стать самим собой и обрести собственную значимость [7, 129]. Забвение же своей сущности и отсутствие ценностного опыта делает субъектов культуры объектами манипулирования, действующими в интересах клановых групп, стремящихся к расширению своего влияния.

Диктат ценностей, возникающих, получающих инструментализацию и реализацию на среднем уровне должного, ведет к разрушению гармоничного строения культуры и распаду целостности человеческого общества, делению его на «своих» и «чужих», нарушениям прав человека и целых народов, межнациональным и межрелигиозным конфликтам, политическим и военным столкновениям, прикрываемым псевдогуманной риторикой.

Среди ценностей, определяющих содержание среднего уровня долженствования, основное место принадлежит материальным благам, которые, как доказывал Н. Гартман, «можно распределить среди личностей, только разделив эти

блага», отчего они теряют свою ценность, в то время как «духовные блага сами по себе неделимы». Гартман утверждал: «Материальные ценности разделяют людей, обладающих ими, духовные же ценности объединяют» [8, 298]. Эту же мысль развивает и Г. П. Выжлецов, согласно которому «духовная ценность в отличие от любой иной, скажем, богатства, власти, сфер влияния, не говоря уж о материальных ценностях, *количественным фактам неподвластна*, на части не делится и, более того, с увеличением числа потребителей и пользователей не только не уменьшается, а, напротив, неизмеримо возрастает» [7, 128–129]. *Ценности, возникающие и становящиеся руководством к действию на высшем уровне должного, являются фактором, преодолевающим разного рода конфронтации и ведущим к интеграции человечества.*

Таким образом, должное, как форма репрезентации ценности, соединяет идеальные и материальные аспекты ценностного отношения человека к миру. При этом высшие ценности утрачивают модус необходимости и долженствования, если они вытесняются из человеческой практики, не являются регулирующей ее силой и остаются лишь в исторической памяти культуры, ее архивах и запасниках, что становится причиной ее неминуемой деформации и последующей деградации. Только осознавая как должное смысл и значение общечеловеческих ценностей и духовных идеалов, воссоздавая их во всех сферах своей жизнедеятельности, человечество сможет сохранить богатство и разнообразие культуры, расширить горизонты ее последующего развития.

1. Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991.
2. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
3. Аристотель. Никомахова этика // Там же.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.
7. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996.
8. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
9. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избр. произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
11. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
12. Кант И. Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 2.
13. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М., 1963.
14. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
15. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 5.
16. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург, 2002.
17. Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург, 2003.
18. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994.
19. Платон. Законы. М., 1999.
20. Проблема ценности в философии. М. ; Л., 1966.
21. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

22. Рыбаков Н. С. Смысл, ценность, истина // Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания. Екатеринбург, 2006.
23. Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М., 1996.
24. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
25. Судаков А. К. Должное и сущее // Этика : энцикл. слов. М., 2001.
26. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
27. Цицерон М. Т. Учение академиков. М., 2004.
28. Чавчавадзе Н. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.

Рукопись поступила в редакцию 26 июня 2012 г.